

Сострадание — качество человеческое.

Новое прочтение пьесы М. Горького «На дне»

Валерия
Пименова

Доброго здоровья, народ честной! — с этими словами появляется в ночлежке Лука. От них, ласково-уважительных, чуть-чуть ироничных, становится светлее в покоем на пещеру подвале. На добродушно-приветливые слова Луки последовала незамедлительная реакция: «Был честной, да позапрошлой весной...» (Бубнов).

Этот короткий диалог раскрывает, по сути, глубинный смысл пьесы, который можно оценить только после прочтения всей пьесы, в процессе размышления над ней: что такое человек? в чём его истинная ценность? Определяется ли она только его социальным положением?

Для обитателей ночлежки, потерявших смысл своего существования, всё в прошлом, когда они пользовались уважением в обществе либо за счёт своего происхождения (Барон), либо по результатам своего труда (бывший телеграфист Сатин, скорняк Бубнов, рабочий человек Клещ). Уважение человека в обществе напрямую проецируется на его чувство самоуважения. Труд и социальное положение делают его личностью в его глазах. Теперь, когда всё «слиняло, один голый человек остался», стёрлось — человек как таковой потерял для них всякую ценность. Поэтому-то ночлежники и считают себя «бывшими людьми»: нет уважения, нет работы, нет дома, нет денег, нет чувства чести, нет будущего. Нет даже отчаяния (кроме Клеща, который со злостью и ненавистью к своему положению старается вырваться из капкана нищеты) — полная апатия, люди ко всему притерпелись. «Такое житьё, что как поутру встал, так и за вытьё» (Барон). В унисон этому настроению звучит песня Луки: «середь ночи... путь дорогу не видать».

Лука же своими первыми словами смещает акценты в сознании людей, когда в самом начале говорит: «Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха не плоха: все чёрненькие, все прыгают... так-то». Каковы же критерии его оценки человека?

Интересно, что как раз перед появлением Луки Пепел, Бубнов и Клещ спорят о совести, в этот спор косвенно включены Барон и Сатин, по мнению последнего, человеку «не выгодно совесть иметь, пусть она

будет у соседа». Таким образом, вообще снимается вопрос об ответственности человека за свои поступки, потому что ответственность и совесть неразделимы, точно так же, как совесть и честь, ибо честь — это внешняя сторона совести, а совесть и есть ощущение внутренней чести.

Жизненные обстоятельства настолько сломили героев пьесы, что они перестали и думать о том, чтобы стать хозяевами своей судьбы.

В сцене спора о совести мы присутствуем при рождении в ночлежке «нового» закона (как его называют в народе — «волчьего») — жизни без совести, при акте «убиения» совести в общественном сознании. Если государство не обеспечивает человеку права на труд, не создаёт условия для сносного существования (лживое государство, по словам Сатина, «оправдывает ту тяжесть, которая раздавила рабочего... и обвиняет умирающих с голода»), то есть законы и юридические нормы, но нет совести, и людям приходится эту жизнь без совести узаконить. Но, как мы видим, это желание порождено безысходностью. Налицо борьба: внутренняя, присущая человеку потребность жить по совести, одновременно отрицание её во имя собственного выживания, где на месте этого внутреннего чувства внешней справедливости создаются пустота, равнодушие, чёрствость. Иммануил Кант писал, что закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть и есть, собственно, наши поступки согласно этому закону.

Но вот тут-то и возникает вопрос о социальной справедливости: при любых ли жизненных условиях можно применять этот нравственный закон. Сила обстоя-

тельств заставляет ночлежников (подстраиваясь под невидимые, но действенные законы общества: «или всех грызи, или лежи в грязи») переложить ответственность за свои поступки на государство.

И тут появляется человек, который понимает, что нет условий для исполнения нравственного закона, для которого совесть — не отвлечённое, а вполне конкретное понятие, облачённое в реальные поступки. Лука не произносит пафосных речей, он декларирует уважение к человеку в любых обстоятельствах — и ни в чём от него не отступает. Лука, с его отношением к людям, сразу становится центром внимания всех обитателей ночлежки.

Кто же такой Лука? Что мы знаем о нём? Странник, старый человек (старше всех в ночлежке) — 60 лет. Он и одет, как все странники, с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником за поясом. Видно, приспособился он к бродячей жизни, ночевал и в поле, и в лесу — привык полностью себя обслуживать, независимо от обстоятельств. Внешне Лука ничем не отличается от многих тысяч богомольцев, паломников по святым местам, исходившим десятки вёрст по Руси. Но похож ли Лука на тех странников и богомольцев, которых мы встречаем в романе, например, Л. Толстого в домах Ростовых, Болконских в «Войне и мире», на странников в пьесах А.Н. Островского, находящих приют в домах богатых дворян и купцов? Какая разница между Лукой и этими образами? Типичен ли Лука как странник?

Странники в названных произведениях — приживалы, прихлебатели по кухням богатых купчих, напуганные жизнью люди, боящи-

еся окрика, немилостивого взгляда хозяев, готовые рабски поддерживать того, кто даёт им тёплый угол и кусок хлеба. Это люди без будущего. И хотя Лука и говорит: «Старику — где тепло, там и родина...», мы чувствуем, что он лукавит, специально для непонятливых принижая себя в их глазах. Более значимы другие его слова. Называя себя странником, он замечает: «Все мы на земле странники. Говорят, — слышал я, — что и земля-то наша в небе странница». Независимым и гордым духом сразу повеяло от этих слов. Точно так же, как на сентенцию Костылёва о странниках и бродягах: «Человек должен определять себя к месту,.. а не путаться зря на земле», Лука отвечает вопросом: «А если которому — везде место?».

Как бы ни называли его на первых порах (и «шельмой», и «кикиморой»), он спокойно может поставить каждого на место.

Почему же ему «везде место»? Да потому, что в отличие от всех, в том числе и от хозяев (и в первую очередь от них) Лука обладает необыкновенным качеством — поразительным чувством внутренней свободы.

Это чувство и делает его хозяином своей жизни. Он, не стесняясь, даже Костылёву спокойно говорит: «Ежели тебе сам Господь Бог скажет: «Михайло! Будь человеком!» Всё равно — никакого толку не будет... как ты есть — так ты и останешься». И так рассуждает человек без всяких прав в этой жизни — человек без паспорта (скорее всего, беглый каторжник), который не только хозяина и полицейского должен бояться (над Медведевым он открыто и добродушно насмехается: «Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём

участке поместилась... осталось маленько и опричь его»), а даже собственной тени.

Внутреннюю силу духа, силу сопротивления чувствует в нём Костылёв, которому Лука не нужен как заступник униженных и оскорблённых, свидетель его семейных неурядиц и преступлений. Конечно, Лука Костылёву никак не навредит, потому что Костылёв в любую секунду может сдать его властям. Тут важно другое — духовное единоборство, из которого Лука выходит не побеждённым, а победителем, хотя Костылёв от бессилия и выгоняет его из ночлежки. Но, как мы знаем, ещё до этой стычки с Костылёвым Лука говорит ночлежникам о своём желании покинуть их. Кажется — зачем? Крыша над головой есть (...где тепло, там и родина), да и окружающие приняли его.

Оказывается, у него своя задумка: «Уйду скоро от вас. В хохлы... Слышал я — открыли там новую веру... поглядеть надо... да! Всё ищут люди, всё хотят — как лучше... Дай им, Господи, терпенья».

Лука собирается уходить из ночлежки не за лучшим куском и тёплым углом, а посмотреть, как люди живут, — и не просто живут в бытовом плане, а в плане духовном. Ему интересно, какую новую веру нашли. В нём, по сравнению с ночлежниками, несмотря на его возраст, по-настоящему пытливая душа, живой интерес к жизни.

У всех ночлежников прошлое реально, а призрачно — настоящее и нет будущего. Будущее есть только у Луки, не только в плане собственных духовных исканий — он после ухода остаётся в памяти людей.

Интересно, что Лука в пьесе самый одинокий человек («стран-

ник») он ни к кому не привязан, но он по большому счёту не одинок, потому что, по словам Сатина, он «живёт из себя... он на всех смотрит своими глазами», у него есть стержень — духовная опора — заповеди Божии. Сострадание и любовь к людям — его правда, правда Господа, так как Бог — это любовь, свет. Он мало говорит о Боге в отличие от фарисействующего Костылёва. Человек не воцерковленный, но с Богом в душе. На вопрос Пепла, есть ли Бог, Лука (негромко) отвечает «Коли веришь, — есть; не веришь — нет... Во что веришь, то и есть...»

С богословской точки зрения, такой ответ не выдерживает никакой критики. С философской же — в образе Луки объединены две позиции: материалиста и идеалиста. Лука социально адаптирован к разным условиям жизни: контактен, коммуникабелен, может приспособиться к трудным обстоятельствам. В то же время для него духовное, нематериальное (сознание, мышление, психическое) выступает на первый план в общении с людьми. И главное при этом для него — человек тот, в ком есть сострадание, кто умеет поставить себя на место терпящего боль не только физическую, но и нравственную, душевную. Вера для него не словесная формула, не обряд или таинство, а вся жизнь под взглядом Бога.

В народе говорят: «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу». Доброта и сердечность Луки облегчают последние часы умирающей Анны. Её физическое состояние, беспомощность вызывают сочувствие у Наташи, Насти, Актера — они по-своему добры к ней, но настоящее терпение, милосердие, сочувствие, умение войти в её положение проявляет лишь Лука.

Наверное, самый большой страх в жизни любой человек испытывает, когда остаётся один на один со смертью. Этот момент — тяжёлое испытание и для окружающих (вспомним, как Пепел говорит о своей боязни покойников). Умиравший больше, чем кто-либо, нуждается в участии живых, а живые зачастую, инстинктивно оберегая себя от душевных страданий, отчуждаются от него. Американский общественный деятель XIX в. Г.У. Бичер (1813–1887) очень верно писал: «Поддержать добрым словом человека, попавшего в беду, часто так же важно, как вовремя переключить стрелку на железнодорожном пути: всего один дюйм отделяет катастрофу от плавного и безопасного движения по жизни».

Бедную, добрую, измученную, иссечённую жизнью и злым мужем Анну отделяет от смерти всего несколько мгновений. Ей настолько жутко, что она готова и ещё потерпеть муку на этом свете. И в этот момент Лука действительно как бы «переключает стрелку», пытаясь сгладить предсмертный ужас несчастной женщины ободряющим словом: «А Господь взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведи её, Анну, в рай! Пусть успокоится... Знаю я, жила она — очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне». Мягкий, успокаивающий, уверенный тон его ласковых слов — так необходимых человеку — наверняка помогают Анне перейти в другую, невидимую реальность.

Почему верующие приглашают к человеку, находящемуся на смертном одре, священника? Не только для исповеди, не только для того, чтобы он предстал перед

Богом очищенным от земных грехов, но и для того, чтобы умирающий в этот скорбный час не оставался один, чтобы услышал необходимые ему слова утешения. Конечно, Лука не священник и не берёт на себя эту миссию в полном объёме. Он делает только то, что может, что ему подсказывает сердце. (Он и Пеплу говорит негромко: «Слышь, — не кричи. Тут женщина помирает... не мешай!») Добросердечие проявляет человек посторонний, «проходящий», всего день пребывающий в ночлежке, а ведь вокруг Анны много людей (и, в первую очередь, муж), но никто из окружающих не почувствовал внутренний ужас её положения, не помог ей добрым словом. Более того, многие эгоистично подумали только о собственном комфорте. Бубнов, например, играя в карты, цинично заявляет: «Кашлять, значит, перестанет... Кашляла она очень беспокойно... двух беру!»

И вот это — жестокость и чёрствость человеческая, которую люди не осознают, — самое страшное. Только Лука уверен: «Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо попустил...»

Лука, хотя и заявил вначале, что всех людей уважает, однако в своих отношениях с ними избирателен: он открыто враждебен к Василисе и её мужу, язвительен с Медведевым, спокойно равнодушен к Бубнову, Барону и Сатину. Он добр и ласков с людьми слабыми и незащищёнными: с Настей, Наташей, Актёром — с теми, кто нуждается в его моральной поддержке, в ком нет хронической озлобленности, как, например, в Клеще.

И совершенно особое отношение у него к Пеплу, в котором дремлют потенциальные возмож-

ности. Василий ещё способен изменить свою жизнь (ему ведь всего 28 лет), хотя сам Пепел вначале утверждает: «Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...»

Лука знает чудодейственную силу любви. Именно чувство к милой, доброй, чистой душой Наташе поможет Пеплу вырваться из тлетворной атмосферы ночлежки. И Пепел верит — в нём рождаются мечта и надежда уехать с любимой в Сибирь и начать новую жизнь. Лука берет Василия под свою моральную опеку. Он по-отечески оберегает его, когда чувствует неизбежность открытого конфликта с Костылёвым: прячется на печи и вовремя кряхтением и кашлем даёт о себе знать, когда Пепел хватается за шиворот и сильно встряхивает.

Лука — не созерцатель чужих несчастий, да и не борец со злом, он просто человек действия. Объясняя своё присутствие, он говорит Пеплу: «Смекнул, как бы, мол, парень-то не ошибся... не придушил бы старичка-то». Трезво оценивая ситуацию, он делает только то, что в его силах, и делает это мягко и уверенно. Когда Пепел в неловком разговоре с Медведевым грозит раскрыть махинации Костылёва, подбивавшего его на воровство, Лука произносит лишь одно слово: «Та-ак» и тем самым переключает внимание с предмета спора на себя.

Но как ни старается Лука, приговор судьбы неумолим: зло побеждает — Васька отправляется в тюрьму за убийство Костылёва. Драматизм Пепла не только в генетическом «наследстве» его отца,

но даже в самой фамилии: молодому парню досталась участь жертвы — сгореть в этой жизни дотла. По ходу пьесы мы видим, что горячему, порывистому Пеплу не справиться с жадным, расчётливым Костылёвым, уже дважды подставившим его.

К обитателям ночлежки, людям, фактически отрекшимся от себя, Лука подходит с гуманистических позиций: в человеке он ищет прежде всего хорошую сторону, а не дурную. Он умеет чувствовать рядом с собой не просто человека, а индивидуума, умеет читать его душу, видеть в глазах собеседника его душевный мир — радость, беду, несчастье, горе.

Лука поддерживает Настю во все не потому, что верит в её миражи. Любовные фантазии девушки выглядят глупыми в глазах окружающих — над ней смеются. Но именно в её иллюзиях Лука видит душу: светлую, чистую, не испорченную мерзостями жизни. Он понимает, что без воображаемой любви, чтения романов, которые наполняют смыслом её существование, Настя погибнет. Чтобы выжить, ей лучше находиться не в реальном мире («правдой не всегда душу вылечишь»), а в вымышленном. Настя слишком слаба душой, чтобы изменить себя в настоящей жизни, поэтому Лука не только сочувствует — он страдает ей. Её «мечты» осуществиться не могут, так как зависят не от неё, а от внешних обстоятельств.

Другое дело — Актёр. Он слаб душой, бесхарактерен, безволен, но он способен оценить себя сам («таланта нет... нет веры в себя... а без этого никогда, ничего»). В нём борются обречённость и горячее, но очень слабое желание бросить пить, вернуться на сцену. Надежда

на положительный исход чисто теоретическая. Но всё-таки есть, есть слабая надежда.

Опираясь на неё, Лука и стремится помочь Актёру. Лука по отношению к Пеплу по-отцовски требователен (Пеплу говорит о Василисе: «Бабу эту прочь надо!.. Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери её под руку да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи...»), почти по-матерински нежен с Настей. Видя отчаяние Актёра, он по-братски наставителен и ласков с ним, называет его братом, утешает, рассказывая о лечебнице для алкоголиков: «...такая уж лечебница устроена для пьяниц... Признали, видишь, что пьяница — тоже человек. ...Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. Возьми себя в руки — терпи... А потом вылечишься... и начнёшь жить снова... Ну решай... в два приёма. Человек — всё может... лишь бы захотел».

Обратим внимание: Лука не сулит Актёру будущего только с помощью постороннего вмешательства, а говорит о двух приёмах — сначала надо самому над собой поработать, а потом только обращаться к врачам. Лука своими словами даёт Актёру силы бороться со своим недугом. Человек должен сам приложить усилия — выход есть.

Но Актёр не готов: сказывается безволие, болезнь, окружение. Ему постоянно нужна поддержка извне. Чувствуя это, Лука предостерегает, рассказывая притчу о праведной земле. Для Актёра праведная земля и есть лечебница, но успеха не будет, если человек не поверит в себя. Актёру этого в полной мере не дано. С уходом Луки исчезает поддержка. Актёр после первых же слов Сатина о том, что

лечебницы не существует, кончает жизнь самоубийством.

Анна, Настя, Актёр, Наташа благодарны Луке в первую очередь за то, что он умеет их выслушать. Лука слушает сердцем, а для этого тоже нужна немалая эмоциональная сила.

Некоторые герои пьесы не верят Луке и удивляются, какую выгоду он имеет, принимая участие в жизни посторонних для него людей. В одном из рассказов Горького («Карамора») герой рассуждает: «В том, что люди плохо живут, не твоя вина, почему же твоя обязанность налаживать чужую жизнь?» Для Луки «налаживать чужую жизнь» — не обязанность, а душевная потребность, продиктованная добросердечием и жизненным опытом.

Люди, как известно, по-разному воспринимают опыт собственных страданий. Одни (скупые по натуре) озлобляются, замыкаясь в кокон своих несчастий. Вторые (неуверенные в себе) постоянно жалуются, ища опоры в чём и ком угодно, только не в себе. Третьи (пассивные и легкоранимые), уходя от реальности, окунаются в мир грёз и фантазий. Четвёртых же (чутких и сильных характером) пережитое делает мудрее. В них вырабатывается духовный иммунитет не только к собственным бедам, но и к горю других. Опыт жизни научил их, что внутреннее спокойствие, бескорыстная доброжелательность — щит и меч в борьбе со злом. Они готовы поделиться духовными обретениями с окружающими. Такой душевной щедростью наделён и странник Лука.

Интересно, что ласковость, доброта не делают его, как это обычно бывает, беззащитным. Он не от-

крыт людям. Если почти всё известно о каждом из обитателей ночлежки, то о прошлом Луки можно только догадываться, он мало говорит о себе, никого не впускает в свою личную жизнь, прикрываясь шутками-прибаутками, притчами.

В этом жестоком мире его во многом защищает сила нравственной позиции, которая, с нашей точки зрения, заключается в цельности, нерастраченности личности, где чётко существует грань в понимании добра и зла, которая проявляет себя в поведении Луки, мировоззрении, в отношении к людям. Снимая своим сопереживанием коросту с души каждого в ночлежке, он оздоравливает её затхлую атмосферу, впуская в неё свежую струю жизни, человечности.

Личность Луки, его жизненная позиция никого не оставляет равнодушным. Сатин говорит: «...это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей». Каждый из героев в конце пьесы даёт Луке собственную нравственную оценку. Однако эта оценка нередко крайне противоречива в устах одного и того же персонажа. Так, Клещ вначале противопоставляет Луку остальным: «Он... жалостливым был... У вас жалости нет», признаёт закон, которому следует Лука («надо жить — по закону... по Евангелию», — говорит Клещ после слов Татарина о законе души) и в то же время тот же Клещ признаёт: «Правды он... не любил... Очень против правды восставал... Так и надо!»

Что же из этого следует? Дело в том, что раньше, до Луки, правда была одна, материальная, земная («работы нет... вот правда»), теперь же в его словах «Так и надо!»

звучит другой подтекст: мало этой правды, нужно в жизни руководствоваться высшими, евангельскими заповедями.

Каждый из обитателей высказывается о Луке в своей манере. Вначале Барон и Сатин, ёрничая, переиначивают слова известной молитвы:

«Барон: Исчез от полиции... яко дым от лица огня...

Сатин: Тако исчезают грешники от лица праведных.»

Вспомним молитву: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...»

В этих, на первый взгляд, циничных словах, где полиция — олицетворение Бога и праведников, а Лука — бес, много горечи и насмешки над собой. В глазах Барона «старик» так и остаётся «шарлатаном», Сатин же, называя Луку «умницей», признаётся: «Он подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...»

Как понимать эти слова? Сложно утверждать, что поведение Сатина изменится, но то, что он задумается о своём отношении к людям, несомненно, потому что в нём есть, по словам Клеца, «умение не обижать» человека. Как кислота очищает монету от скопившейся и въевшейся в неё грязи, так и доброта Луки, его забота о людях ломают броню на душе Сатина, который равнодушием, насмешками старался отгородиться от чужой беды. Теперь он поверил Луке, а значит, можно надеяться, что станет добрее, потому что лишь злой не верит, что есть добрые люди.

Но есть один важный нюанс, который Сатин не приемлет в Луке — жалость: «Старик — не шарлатан... Он врал..., но — это из жалости к вам...» И далее: «Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»

Однако вряд ли можно сказать, что Лука не уважает человека, унижает его своей жалостью. Он сочувствует, сострадает, заботится о ближнем. Существует грань, с нашей точки зрения, между жалостью и заботой. Жалость предполагает определённого рода снисходительность, поэтому люди часто противятся ей, говоря с тоской и горечью в душе: не хочу, чтобы меня жалели. Проявляя жалость к кому-то, человек чувствует себя выше, значительнее другого. Потому жалости и противятся, чего не скажешь о заботе.

В народе существует выражение: жалеет — значит любит. С нашей точки зрения, именно с такой позиции — жалости-любви — подходит Лука к людям. Его позицию можно выразить более точным словом — способность, умение заботиться о других.

На страницах пьесы странник Лука предстаёт прежде всего человеком добрым, милосердным, умным. Более того, в этическом плане — мудрым. Мы разделяем точку зрения И.А. Гончарова, утверждавшего, что мудрость — это совокупность истин, добытых умом и опытом и приложимых к жизни — это гармония идей с жизнью. Основа этой мудрости — целостность натуры. Образ Луки гармоничен, в нём нет внутренних противоречий. Свой богатый жизненный опыт он подчиняет исполнению евангельских заповедей по отношению к ближнему.

Пьеса «На дне» идёт постоянно на сцене более 100 лет, начиная с 1902 года. Это говорит о непреходящем внимании зрителей к поставленным в ней проблемам — и прежде всего к взаимоотношениям людей. В истории театра это необычная ситуация.

Сменялись эпохи, правительства — пьеса не сходит со сцены, но трактовка некоторых героев неоднократно претерпевала изменения. Это зависело, в первую очередь, от идеологических установок времени, индивидуальной интерпретации актёрами образов героев, конечно, от позиции автора. Как известно, Горький сам не раз менял своё отношение к Луке. Как утверждают исследователи, создавая этот образ, Горький, будучи по характеру своему мятежником, бунтарём, восставал против «теории утешительной лжи», воплощённой в образах некоторых героев Достоевского и Толстого — его угнетала их созерцательная пассивность и примиренчество со «свинцовыми мерзостями жизни». Изменения во взглядах Горького сказались на трактовке образа Луки такими выдающимися актёрами МХАТа, где впервые была поставлена пьеса, как Москвин, Тарханов, Грибов, наиболее ярко выразивших своей игрой разные трактовки образа. Москвин безраздельно принимал нравственную позицию своего героя, его право нести людям «утешительную ложь» взамен «тьмы низких истин». Тарханов сыграл Луку с учётом утвердившейся тогда горь-

ковской оценки «утешителей, которые утешают только для того, чтоб им не надоедали своими жалобами, не тревожили привычного покоя ко всему притерпевшейся холодной души»¹.

Перед нами две противоположные интерпретации. Грибов учёл крайности этих позиций: москвинскую — добродушного, благостного учителя жизни, и тархановскую — беспокойного, язвительного «еретика», — и создал иной, самобытный характер. Грибовский Лука не добрый, как у Москвина, не злой, как у Тарханова. Он — лукавый приспособленец к обстоятельствам, а по сути равнодушный к людям. Герой Грибова исторически обусловлен советской формацией.

В горьковедении много уже сказано об отношении Горького, Толстого к образу Луки. Подводя итоги всему сказанному, отмечу особо, что я не ставила своей задачей рассмотреть художественный образ Луки всесторонне. Меня интересовал прежде всего, духовно-нравственный облик личности и те уроки мудрости, которые вложил Горький в своего героя: человеческое достоинство, милосердие, внимание и доброту к человеку, тактичность, веру в собственные силы, умение войти не только в положение, но и в душу другого, помочь ему добрым словом в тяжёлую минуту, поддержать, помочь подняться на ноги.

Эти качества человеческие необходимы во все времена, а в наше — особенно.

¹ Горький М. О пьесах. Собр. Соч. в 30-ти т., т. 26, М., 1953, с. 425.